
Алла Плотникова
Стас Серов
В учительской
В АНГЛИЙСКО

В учительской-6. На миру и смерть красна

Жанр произведения: Другое

Произведение написал автор BookBox Алла Киселева

Ссылка на публикацию

Павел Порох и впрямь всего несколько дней назад умер от сердечного приступа. Случилось это на заводском пруду. Он, как и в предыдущие дни зимних месяцев, сидел в отдалении от остальных рыбаков, без конца курил и пил щедрыми глотками, прямо из горла, спирт. Человек не знающий мог бы подумать, что в бутылке вода, знающий же качал головой: «Желудок прожгёт. Там под девяносто градусов. У Людки неразбавленный берёт. Совсем умом подвинулся»

Пашка и лунку не всегда сверлил. Рыба для него была не важна. По совести говоря, он не любил и не умел рыбачить. Но в тот день и лунку просверлил, и клёв был отменный. Одного за другим он выуживал пескарей, ерша, щук, голавлей, серебряных карасей. Рыбаки, не решаясь подойти, завистливо поглядывали с отдаления. У них клёва не было совсем. Оттого, когда Пашка упал с ящика на лёд, только зло посмеивались: «Гляди-ка, Пашка совсем набрался», «КрасавЕц», «Ну так глыдать из горла», «Это он рыбкам сказки рассказывает, думает, они сами пойдут за ним домой», «Да не, это он в спячку залёг», «Медведь, что сказать».

Пашка и впрямь был медведь. С самого раннего детства он торопился вырасти. Когда другие дети, не пригибаясь, проходили под столом, он этот стол в одиночку мог перетащить в другую комнату, когда сверстники едва доставали отцам до пупка, он на равных боролся с мужиками. Когда однокашники видели одноклассниц в чутких снах, Пашка женился. Он рос быстро, словно стараясь подняться ближе к солнцу, но сердце его не успевало за телом. Мы, люди с успевшими вырасти сердцами, почти перестаём ощущать лезвие обид. Нам полоснут по сердцу — на нём только царапинка останется.

А Пашкино маленькое, не успевшее вырасти, недоразвитое сердечко: только коснётся его то же лезвие несправедливости и разрежет едва ли не напополам, и оно ещё долго болит и простодушно кровоточит. Он всегда был великаном.

Когда он пришёл в первый класс, то ещё долго, стоило ему только заговорить с обычных размеров одноклассником или одноклассницей, как те начинали плакать, и продолжали рыдать весь день, а вечером дома говорили «Пашка

Порох хотел меня побить». На следующий день встревоженная мамаша прибегала в школу: «Только ударь ещё хоть раз моего ребёнка! Я тебе голову оторву! Переросток! Акселерат!»

Пашка ничего не отвечал, лишь, стараясь не заплакать, широко улыбался, обнажая свои огромные зубы, чем ещё сильнее разжигал в родительских сердцах справедливый жар негодования: «Дурак!»

***

Прошла тягомотная первая четверть. Учительница уже успела выучить имена своих учеников и научить их самому важному: прежде чем что-то спросить или сказать, нужно поднимать руку, а в туалет ходить только с разрешения. Вслед за первой четвертью незаметно пролетела вторая, а Пашка-великан, к удивлению и что печальнее всего, к разочарованию, так никого и не съел. Помимо того оказалось, что его огромная спина возвышающаяся из-за первой парты, словно крепостная стена, скрывая за собой полкласса, позволяла ученикам нормального размера незаметно от учительницы проворачивать мелкие шалости и хитрости.

Учительница, конечно, никогда бы не посадила рослого мальчишку за первую парту, но Пашка мечтал пойти в школу, научиться читать, писать и считать, и оттого в первый же учебный день сел за первую парту, за ней и просидел следующие девять лет. Учительница пыталась выселить здоровяка в конец класса, но тот на все попытки лишь широко улыбался, обнажая свои огромные зубы. Делать было нечего, не за руку же его тащить из-за парты. Понемногу учительница привыкла вести урок, находясь под углом к классу, так чтобы видеть хотя бы часть учеников. А Пашкины одноклассники привыкли к тому, что их великан, как больно ни пихай его ручкой в спину или не щипай за бок, как сильно ни толкай, не пытается ударить в ответ, догнать или хотя бы накричать, а только улыбается.

То что он умер, обнаружилось только через пару часов, когда закадычные друзья Женя Свинтаржицкий и Сёма Мальцев с погруженными на детские саночки коньками, клюшками, мётлами и снеговыми лопатами пришли чистить от снега каток, в нескольких метрах от которого, в окружении огромного количество рыбы, мороженых пескарей, ерша, щук, голавлей, серебряных карасей и одной тилапии, лежало огромное тело Пашки.

Именно он, по слухам, в тот день выудил из заводского пруда последнюю представительницу рода цихлид. Больше никому из рыбаков не удавалось поймать, даже малька, принадлежавшего этому рыбьему семейству. То что

Пашка не умеет и не любит рыбачить, было известно, но для местных оставалось непонятным, зачем же он ежедневно приходил на пруд. Рыбаки предполагали, что просто от скуки: «А что ему дома-то делать? С мышами разговаривать что ли?», но Паша приходил на пруд совсем не от скуки. За четыре года нахождения в тюрьме он истосковался по простору родной природы.

По дующему со стороны старой лесопилки влажному, даже зимой пахнущему торфом и тиной ветерку, по обрамляющему посёлок лесу из сосен, елей, берёз, осины… Как красивы летом эти деревья, когда глядятся в пруд, собой любуются. Берёзы шелестят: мы всех красивее. Они, всегда юные наши невесты, в наряде из зелёной ажурной накидки по праву считают себя первыми красавицами. Как там у Есенина? О, нежная причёска, девическая грудь, зелёная берёзка, что загляделась в пруд? Как-то так. Может, и не так, не важно: Пашка впитывал глазами знакомый с детства пейзаж, и его недоразвитое сердце переставало болеть. Хоть и была зима: и лес был тёмный, угрюмый, даже всегда молодые сосны и ели, казалось, осунулись, стали мрачно-зелёными…

Пашка знал, что родная природа не безвозвратно истощила свои силы, а лишь на миг, словно человек, проделавший тяжёлый путь и вернувшийся домой, прилегла отдохнуть. Он знал, что она проснётся и радостно обнимет его своим нежным цветением, пышным водопадом разнотрава. Он знал, что родная природа, как бы далеко ни увели его дорожки-тропки, будет ждать и обязательно дождется. Но была и вторая причина: за годы, проведенные в тюрьме, Пашка приобрёл пришедшее к нам прямиком из жестокой и тёмной древности, заболевание, именуемое тогда «семитской» болезнью, а в наш гуманный, просветлённый век — туберкулёзом. Миновали тысячелетия, но рабы продолжают чахнуть всё от тех же недугов. А всё почему? Старый раб — это уже не тягловая сила, а обуза. Впрочем, не о том речь. На морозе кашель не так донимал Пашку, поэтому он часто покидал одинокий дом ещё до рассвета и возвращался затемно.

Там же, в тюрьме, он пристрастился к спирту, в учреждении, при помощи которых гуманисты когда-то обещали очистить общество от уродов, а в итоге застроили бараками всю Россию, и теперь в этих проклятых пыточных, лишённые разума садисты, заражают палочками Коха не только лёгкие и кости когда-то здоровых людей, но и умы и души.

Какой-нибудь недалёкий человек мог бы поспорить, сказать: «В тюрьме что и бухать можно!?». Нельзя. Но таких как Пашка, физических одарённых людей и в тюрьмах сразу же пытаются завербовать и администрация, и так называемые «блатные»; и тем и другим нахождения в своих рядах "громилы" даёт не только физическое преимущество, но и политическое. Один вид человека размером с

трёх среднестатистических зэков уже заставляет вести любые переговоры увереннее.

Правильный ли выбор сделал Пашка, не нам судить, но, по крайней мере, он не превратился в слизь, презираемую и вне, и на воле. Таких же зэков, людей попавших в беду, он не избивал, не унижал, не лишал мужского достоинства, но за возможность остаться человеком заплатил выбитыми зубами, отбитыми почками, отмороженными в сырых и холодных карцерах, лёгкими. Как известно, «мафия не принимает отказов», администрация тоже. Ребята же по другую сторону баррикады грели Пашку чаем, куревом, и тем самым спиртом, без которого Пашка не сможет и на воле. А ещё рассказами, как правильно нужно жить. По понятиям.

Человек со взрослым сердцем, быть может, выбрал бы остаться где-то посередине. Но Пашкино, не успевшее вырасти, чуткое к несправедливости сердце, в ответ на беспредел, выбрало противопоставление себя режиму. Этот путь всегда чреват последствиями, но Пашка лишь широко улыбался, обнажая поредевший оскал здоровенных зубов.

Его в конце концов убили бы. Но в один из дней тюрьма не вышла на работы. Никто. Ни мужики, ни блатные, даже "козлы" и те не все вышли. Администрация сначала пробовала запугать зэков. Потом начали ломать самых активных. Затем пригнали "ОМОН" и ломали уже целые бараки. Всех, без разбора, вытаскивали на прогулочный дворик, били ногами и дубинками. Заставляя сидеть часами на корточках и били, и били, и били. Но тюрьма оставалась парализована.

То, что не всегда способны сделать самые авторитетные лидеры, смог и сам не желая того, никого не призывая, не шантажируя, не подкупая, мужик, в жизни ничего кроме кабины своего «Кировца» не видевший. На следующее утро Пашку из карцера перевели в тюремную больничку. Администрация пообещала оставить его в покое, но и так называемые блатные должны были не контактировать с ним.

Досиживал свой срок Паша спокойно, он, как и раньше, не нёс никаких дежурств, нарядов и прочих повинностей, и ничего ему за это не было. Но несмотря на договоренность, его продолжали греть чаем, сигаретами и спиртом.

Весь его улов мужики собрали и разделили между собой: «Ну, а чего добру пропадать». Несмотря на то что каждому досталось по нескольку десятков килограммов разнообразной рыбы, долго не могли решить что делать с единственной тилапией, в итоге бросили её на съедение бродячему псу по прозвищу Пёс.